

ЯН БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ И ЛИТВА

БАЗИЛИЙ БЯЛОКОЗОВИЧ

Среди поляков, проявлявших глубокий интерес к Литве, ее языку, фольклору и народной культуре, следует особенно выделить Яна Игнация Нечислава (Ивана Александровича) Бодуэна де Куртенэ (1843–1929), талантливого славяноведа, индоевропеиста, одного из основоположников современной лингвистики, предвестника Пражской лингвистической школы. Всемирную известность Бодуэн де Куртенэ нискал своими трудами в полонистике и русистике. Он является славой и гордостью этих наук. Его деятельность – великолепный пример русско-польского сотрудничества в области науки. Писал Бодуэн де Куртенэ на польском, русском, французском, немецком, итальянском, словацком, чешском и литовском языках. Был он и публицистом, выступавшим в печати на актуальные политические темы, по жгучим проблемам общественных и национальных взаимоотношений. Его волновали вопросы мировоззрения, морали.

Именно Бодуэн де Куртенэ своими языковедческими работами, своей ревностной публикацией, посвященной национальным проблемам в России, помогал российской интеллигенции осознать необходимость учитывать и считаться с правами и интересами разных народов и национальностей, населяющих русское государство. В своих лекциях и публичных выступлениях, дискуссиях и полемике, статьях и заметках он страстно боролся против малейшего проявления зла и несправедливости, подвергал острой и беспощадной критике проявления национализма и шовинизма, выступал за признание прав и человеческого достоинства любого гражданина, независимо от его национальности и вероисповедания. „Охваченный страстью, – вспоминает один из его учеников Хенрик Улашин, – он брал перо и писал-писал сотни статей и брошюр об общественных, национальных, морально-религиозных проблемах... Было из них всех независимостью суждений, кристальной чистотой взглядов, заботой о высоких идеалах человечества и горячей верой в них...“¹

¹ Ułaszyn H. Jan Baudouin de Courtenay: Charakterystyka ogólna uczonego i szłowieka (1845–1929). Poznań, 1934. S. 31.

Бодуэну де Куртенэ были чужды и панславизм и панполонизм. В этих явлениях он видел идеи и элементы, родственные пангерманизму. Он утверждал: „Для меня одинаковы и „alldoitsche“ вместе с хакатистами и всяческими иными германизаторами; руссификаторы, помноженные на так называемых „панславистов“ действий и завоеваний, и, наконец, „все поляки“. А эти последние выглядят еще хуже, так как задиристо петушатся, не имея за спиной собственных штыков, как первые, и преданной им государственной силы“².

Литовские проблемы Бодуэн де Куртенэ рассматривал в контексте общей ситуации народов и национальностей как в России, так и в Европе. „Лично меня, — признавался он в 1903 г., — нисколько не волнуют „братья славяне“, и только потому, что являются славянами, не заслуживают в моих глазах особого положения. Если, например, мадьяр или пруссак угнетают „братьев-славян“, я встаю на сторону славян. Ну, а если „братья-славяне“ угнетают и преследуют немцев, финнов, шведов, литовцев, армян, евреев, китайцев... я всей душой встаю на сторону угнетенных“³. Таким угнетенным народом в XIX—XX вв. в восприятии и по убеждению Бодуэна был также и литовский. В подходе к литовской проблеме исходил он из высоких гуманных предпосылок, основывающихся на решительном отсечении от германизаторов, руссификаторов и полонизаторов литовского народа. „Как лингвист, — писал Бодуэн — я вслушиваюсь в звучание каждого языка с одинаковой беспристрастностью, несмотря на смысл, содержащийся в словах. Как человек же слушаю с удовольствием каждый язык, служащий для выражения разумных и благородных мыслей. Зато во мне вызывают омерзение причитания и вой реакционеров и глупцов, даже если они используют самый близкий мне язык. Бисмарковско-хакатистовские „Macht vor Recht“, „ausrotten“ и т. д. вызывают во мне такое же чувство отвращения, как лозунги „бей евреев“, „Россия для русских“ и т. д., несущиеся из глоток „истинно русских людей“, точно так же, как и разнообразные лозунги „национального эгоизма“, провозглашаемые польскими „патриотами“⁴.

Бодуэн де Куртенэ, остро и решительно критикуя руссификацию литовского народа царским правительством, не мог также согласиться

² Baudouin de Courtenay J. O zjeździe slawistów i o panslawizmie „platoniznym“: (Два доклада, прочитанные в Кракове 16 и 18 июня 1903 г. в пользу Общества научной помощи полякам им. Крашевского). Kraków, 1903. S. 23.

³ Там же. С. 29—30.

⁴ Baudouin de Courtenay J. W sprawie porozumienia się ludów słowiańskich: Odczyt publiczny, urządony przez Polskie Stowarzyszenie Przyjaciół Pokoju, a wygłoszony w Warszawie w Wielkiej Sali Muzeum Przemysłu i Rolnictwa 30 kwietnia 1908 roku. Warszawa, 1908. S. 26.

с полонизаторскими тенденциями в Литве. „Панполонизм, или же всепольскость, — отмечал он, — поставил себе задачу всех неполяков, живущих между поляками или на „польских“ землях, признать себя поляками или же отступить. Русины, например, и литовцы — это только „этнографический материал“, это только *mutum et turgre pecus*, имеющие честь удостоиться быть ассимилированными поляками“⁵. Он очень выразительно делил патриотизм на:

„I. Патриотизм бандитов и международных эксплуататоров, т. е. националистический патриотизм, с девизом „национального эгоизма“, с лозунгом взаимного истребления двуногих, отличающихся вероисповеданием, языком, традициями, убеждениями, патриотизмом, превращающим „родину“ в тюрьму для смертников, в клетку с разнообразными дикими зверями, в ад, населенный одержимыми националистами.

II. Территориальный патриотизм, под лозунгом равноправия всех граждан одной страны, всех разноверующих, разноязычных, с разными убеждениями, под лозунгом солидарности во имя пользы совместной работы для одной родины в сфере бранных благ, которые можно получить и здесь на земле“⁶.

Одобрив тот „второй“, подлинный, патриотизм, Бодуэн домогался необходимости знания государственной администрацией всех языков данного округа или страны. И тут он предвидел сопротивление не только со стороны царских чиновников, но также среди националистически настроенных поляков. В связи с вышесказанным ученый предостерегал:

„Так как не население существует для чиновников, а только чиновники для населения, то это означает, что чиновники обязаны знать языки всех национальностей, населяющих данную административную единицу. В крайних случаях должны быть назначены переводчики с определенных языков. Может быть, унижает благородный польский народ то, что его уравнивают в правах, что его считают равноправным с народами литовским, татарским, киргизским, башкирским, эстонским, еврейским, бурятским и т. д. Несколько дней тому назад я слышал от одного известного польского ученого совершенно серьезно высказанное мнение, что литовский язык годится только, пожалуй, для разговора с коровами. Забыл этот пан о надписях типа „здесь по-польски говорить воспрещается“, украшающих с недавних времен, а может, еще и сегодня, правительственные и публичные учреждения в „Северо-Западном крае“.

⁵ Baudouin de Courtenay J. O zjeździe slawistów... S. 22–23

⁶ Baudouin de Courtenay J. W sprawie „antysemityzmu postępowego“: (Odbitka z „Krytyki“). Kraków, 1911. S. 43.

Как тот пан относится к литовскому языку, так цивилизаторы с востока относились к его собственному языку⁷.

В развитии письменности и литовской культуры, в углубленных исследованиях литовского языка и фольклора Бодуэн де Куртенэ видел путь сохранения национальной самобытности литовцев как народа. Он категорически противился как совершенно необоснованным прогам введения русской азбуки „гражданки“ в литовскую письменность, решительно высказывался за уважение к исторически сложившимся ее традициям и поддержание их. В известной работе под названием „Проблемы литовского алфавита в русском государстве и их решение“ (1904) он подверг острой критике чиновничий запрет на издание литовских книг с использованием латинского алфавита.

Под влиянием Бодуэна де Куртенэ формировался интерес к литовскому языку и его диалектам, а также к литовскому народному творчеству братьев Йонаса (1815–1886) и Антанаса (1819–1880) Юшек (известных так же, как Ян и Антоний Юшкевичи). Благодаря заступничеству, опеке и редакторской помощи Бодуэна де Куртенэ в 1880–1882 гг. были изданы три больших тома литовских народных песен, а также большое количество свадебных песен, которые были собраны и обработаны рано умершим Антанасом Юшкой. В некрологе, напечатанном в „Новинках“ (1880, № 329), Бодуэн де Куртенэ подчеркивал, что Юшка, который все свои силы и материальные средства отдал литературе литовского народа и представил исследователям этого народа, его языка, песен, обычаев и т. д. совершенно достоверный и необыкновенно интересный материал, создал великое произведение, заслуживающее память и уважение потомков: „За свою великолепную деятельность ксендз Юшкевич заслуживает благодарность как любителей литовского языка и народа, так и всех ученых, интересующихся явлениями жизни народа, т. е. лингвистов, мифологов, а также исследователей фольклора и закономерностей, связанных с обычаями“⁸.

В посмертных воспоминаниях о Йонасе Юшке Бодуэн де Куртенэ, обращаясь к русскому изданию литовских песен, переведенных в 1867 г. теми же братьями Юшками, говорили: „Этот перевод позволяет всем, даже не понимающим ни одного литовского слова, убедиться, как прекрасны могут быть народные песни, и сколько поэтических сокровищ кроется в народной литовской литературе“⁹.

⁷ Baudouin de Courtenay J. Autonomia Polski. Odczyt, wygłoszony w sali Muzeum Techniczno-Przemysłowego w Krakowie 9 lipca 1906 roku. Kraków, 1907. S. 20–21.

⁸ Baudouin de Courtenay J., Juszkiewicz Jan. Badacz litewski // „Kraj“. Petersburg, 1886. Nr. 29–31. (Odbitka). S. 6.

⁹ Baudouin de Courtenay J. Dzieła wybrane. Warszawa, 1983. T. 6. S. 38.

Работы Бодуэна де Куртенэ являлись своеобразным стимулом развития языковедческих интересов литовского поэта Антанаса Баранускаса (1835–1902). Большое признание в глазах Бодуэна де Куртенэ снискал языковед Казимерас Явнис, память которого в марте 1908 г. на специальном заседании Неофилологического товарищества при Петербургском университете он произнес речь. „Лучшим доказательством идеологической плодovitости Явниса, – говорил Бодуэн, – было его влияние на ученика Казимераса Бугу. Зерна мысли Явниса упали на благодатную почву. Это большое счастье для науки, что Буга мог записать лингвистические мысли Явниса и сохранить их для потомства. Заслугой Буги было продолжение научных традиций Явниса, а также развитие его мыслей, конечно, при условии критического к ним отношения“¹⁰. И действительно, Казимерас Буга (1879–1924), с которым Бодуэн де Куртенэ вел оживленную переписку, стал одним из выдающихся литовских языковедов.

В 20-х гг. Бодуэн де Куртенэ неоднократно выступал в защиту преследуемых национальных меньшинств в польском государстве. Он с убеждением писал, что „разумный национальный патриотизм заключается в защите собственных прав без покушения на чужие права“, что патриотизм не должен „быть равносильным национализму, досаждающим и оскорбляющим“¹¹. Одновременно ученый утверждал, что „живя как на этнографической границе двух национальностей, так и в этнографически и национально смешанных областях, можно не только говорить с самого детства на двух языках, но также и принимать участие в культурной жизни и одной и другой национальностей, и чувствовать себя культурно солидарным с одной и другой национальностью и симпатизировать культурному творчеству обеих национальностей“¹².

Именно в таком контексте Бодуэн де Куртенэ особенно интересовался Вильнюсом и Вильнюским краем. В письме к Тадеушу Врублевскому, написанном 21 января 1925 г. от имени органа Союза польских вольнодумцев (атемсов) „Вольная мысль“, благодаря его за желание сотрудничать, писал между прочим: „Может быть, найдутся дополнительные материалы о религиозном и национальном преследовании, ко-

¹⁰ Baudouin de Courtenay J. Do charakterystyki śp. Kazimierza Jawnisa : Mowa, wypowiedziana po rosyjsku na posiedzeniu Sekcji Lingwistycznej Towarzystwa Neofilologicznego pory Uniwersytecie Peterburskim w dniu 5/18 marca roku 1905. (Odbitka z litewskiego miesięcznika „Draugija“. Kowno, 1908. S. 7).

¹¹ Baudouin de Courtenay J. W kw stii narodowościowej. Warszawa, 1926. S. 25.

¹² Ibidem. S. 17.

торые могли бы быть представлены в коротких статьях и замечаниях. Ничто не должно оставаться безнаказанным¹³.

Ян Бодуэн де Куртенэ получил предложение читать лекции в возобновившем деятельность Вильнюсском университете осенью 1919 г. Однако решительно от него отказался. В письме к Марьяну Эдзеховскому от 6 августа 1919 г. утверждал, что „в политическом отношении судьба Вильнюса еще недостаточно ясна“¹⁴. В то же время свои замечания, сомнения и возражения пространно высказал на страницах варшавского журнала „Тыдзень Польски“. Высказываясь за необходимость принятия во внимание специфики Вильнюса и прилегающих земель, а также прав национальных меньшинств, населяющих эту территорию, Бодуэн де Куртенэ предостерегал от опрометчивых действий: „Вильнюсский университет исключительно польский и колонизационного характера мог бы оскорбить национальные чувства граждан других национальностей северо-восточных территорий и играть по отношению к ним роль в известной степени провокационного средства. А это в интересах самой же Польши не было бы желательным. <...> Одним из поводов его (университета. — Б. Б.) создания была всеобщая психология польских интеллигентов, психология, носящая исключительно археологический и исторический характер. Это приукрашенная тоской романтическая ориентация, почерпнутая на кладбище истории, воскрешающая покойников, окруженных ореолом, нимбом святых воспоминаний“¹⁵. Продолжая свои размышления Бодуэн де Куртенэ писал: „Университет исключительно польский, а значит колонизированный или колонизирующий, притеснял бы иные национальности, которые имеют такое же право на опеку со стороны государства, как и польская национальность. Предоставление каких бы то ни было национальных привилегий должно быть исключено во имя демократических принципов“¹⁶.

Такая точка зрения Бодуэна де Куртенэ встретила острую критику со стороны его идеологических противников, вызвала множество дискуссий. Ученого обвиняли в недостатке патриотизма, в отсутствии чувства польской „миссии“ на востоке, в отказе от исторических прав Польши и т. д. „Это выглядит так, — отвечал он своим критикам, — как будто торжествующий польский характер помнит исключительно о себе, игнорируя существование в этой стране и иных национально-

¹³ Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Centrinė Biblioteka. Rankraščių rinkinių rodyklė. Tadas Vrublevskis. Sign. 981. T.-XIII.

¹⁴ Białokozowicz B. Jan Baudouin de Courtenay i Marian Zdziechowski // Przegład Humanistyczny. Warszawa, 1968. Nr. 2. S. 141–156.

¹⁵ Tydzień Polski. Warszawa, 1920. R. I. Nr. 29. S. 6.

¹⁶ Ibidem, 1920. Nr. 31. S. 6.

стей¹⁷. Напоминая о правах местного населения, Бодуэн де Куртенэ констатировал и предостерегал: „Возрождая этот новый Вильнюсский университет, его организаторы руководствовались ориентацией на прошедшие времена, когда польский характер в этой стране был идентичен культуре и образованию. Сегодня создано иное положение, иные отношения составных этнографических систем. Сегодня констатируем как бесспорный факт национальную чувствительность и у других народов. Каждое существенное или даже мнимое упущение они переживают слишком сильно. Поэтому нужно быть очень сдержанным и осторожным, чтобы не восстановить их против себя и не создать себе новых врагов, так как врагов у нас и без того множество. В нашем прошлом мы имеем массу предостерегающих и отпугивающих примеров проб национально-го опустошения“¹⁸.

Резюмируя сказанное следует отметить, что Ян Бодуэн де Куртенэ – мыслитель, общественный деятель и публицист – интересовался как главными проблемами эпохи, так и насущными проблемами дня. Выступал против всякой национальной исключительности и прославился как горячий поборник и пропагандист братского сосуществования, сотрудничества и развития разных народов и национальностей.

¹⁷ Ibidem, 1921. Nr. 21. S. 7.

¹⁸ Ibidem. S. 9.